

Лэ Уя прекрасно знал, что Цзян Хэ парень с феноменальными боевыми навыками, но при этом на редкость тугодум.

Скрытого смысла судейских маневров гвардейцу совершенно точно хватит, чтобы размышлять всю дорогу до рудника.

После того как тетушку Су и остальных свидетелей временно увели обустраивать на ночлег, судейский зал заседаний заметно опустел.

— За один укус до рудника не добежать, так что люди с шахт «Сяофу» объявятся здесь еще нескоро, — лениво протянул Лэ Уя. — Помнится, сегодня днем у нас объявился еще один бесстрашный безумец, который посмел среди бела дня прямо на глазах у Вашего судьи грабить честной люд на большой дороге? Доставить его в зал.

Двое оставшихся стражников поспешили исполнить приказ и вскоре приволокли Гэ Эр-цзы, который, точно дохлый пес, безвольно повис между ними.

Парень вовсе не выглядел так, будто у него повреждена нога, он скорее напоминал человека, у которого разом выдернули весь хребет. Он мертвой размякшей жижей рухнул на каменный пол и принялся усердно кряхтеть, симулируя скорую кончину.

Узрев, как этот подсудимый столь беспардонно и открыто валяет дурака прямо перед судейским столом, секретарь украдкой взглянул на Лэ Уя.

Однако уездный начальник вовсе не торопился начинать допрос. Заложив руки в широкие рукава, он с мягкой улыбкой созерцал, как этот проныра извивается на полу.

Секретарь перевел взгляд на заместителя Сунь Жу.

Тот сидел, не проронив ни звука и наполовину прикрыв веки, словно его дух уже давно покинул это брренное тело.

Видя, что обоим начальникам нет до симулянта никакого дела, писарь уныло опустил голову и принялся увлеченно выщипывать волосы со своей судебной кисти.

...Похоже, сегодняшняя веселая ночка затянется до самых петухов.

Гэ Эр-цзы устроил на полу форменное представление, однако в ответ не услышал ни единого строгого окрика. С каждым мгновением на душе у него становилось все тревожнее. Открывать глаза в такой ситуации было боязно, а потому его стоны и хрипы становились все более немощными: казалось, бедолага вот-вот испустил дух.

Но тут до его ушей донесся звонкий стук деревянной плашки, которую Лэ Уя небрежно швырнул на стол:

— Всыпать ему десять палок, пускай придет в чувство.

Гэ Эр-цзы: ...

Он судорожно заглотнул ртом воздух, резко распахнул глаза и в одно мгновение чудесным образом обрел былую жизненную силу.

— Ожил? — Лэ Уя подпер щеку ладонью, с улыбкой глядя на него. — Да вот беда, судейская стрела-приговор уже упала на пол. Ты столь долго и цинично выказывал неуважение к этому суду, что не проучить тебя как следует было бы против всяких правил, не находишь?

Лэ Уя лениво махнул ладонью:

— Бейте.

Отослав настырного Цзян Хэ прочь из управы, Лэ Уя чувствовал себя на редкость вольготно и раскованно.

Стражники прекрасно понимали, что парню еще предстоит отвечать на вопросы следствия, а потому усердствовать не стали и били с умом. Впрочем, даже такого «освежающего» деревянного массажа Гэ Эр-цзы вполне хватило, чтобы огласить всю округу диким, истощным волчьим воем.

Когда десятый удар наконец опустился на его многострадальную плоть, Лэ Уя веско произнес:

— Будешь отвечать строго на то, о чем тебя спрашивают. Ты среди бела дня учинил разбой и был пойман Вашим судьей с поличным. Какое наказание за это прописано в законах империи? Ах да, сто ударов тяжелыми палками и три года каторги. С учетом нынешних ты задолжал уезду еще девяносто палок, этого вполне хватит, чтобы до косточек искромсать тебя на сочный мясной фарш.

Среди собравшейся у ворот толпы горожан грянул дружный взрыв хохота.

Гэ Эр-цзы растянулся на брюхе и, едва раскрыв рот, принялся засыпать суд хитрыми, ушлыми оправданиями:

— Судья! Да ведь я и не грабил никого, я тащил добро из игорного дома «Цзисинь»!

Лэ Уя с любопытством протянул:

— О? И что же с того, что это дом «Цзисинь»?

Шея у Гэ Эр-цзы была до того тонкой, что голова казалась непосильной ношей и то и дело заваливалась набок: вылитый огромный маньтоу, насаженный на зубочистку.

Он принялся раздражаться высокопарными доводами:

— В Уложениях законов Великой Ю четко прописано: азартные игры строжайше воспрещены! А раз так, то все крутящиеся на кону монеты — это добыча, полученная несправедливым путем, чистой воды ворованное добро! К тому же мое деяние осталось незавершенным, так что по закону мне полагается смягчение приговора еще на одну степень!

Лэ Уя покатился со смеху. Оперевшись предплечьями о судейский стол, он промолвил:

— А ты, как я гляжу, знаток уложений. В таком случае ответь Вашему судье: если человек преступает закон, ведая о нем наперед, на сколько степеней утяжеляется его кара?

Судья улыбался, и Гэ Эр-цзы поспешил заискивающе улыбнуться в ответ, крутя головой из стороны в сторону: на редкость мерзкое и тошнотворное зрелище:

— На одну степень тяжелее, вестимо... Да только в случившемся нет ни капли вины вашего ничтожного раба! Господин судья, не взыщите, но я ведь человек подлый и пропащий: едва в руках заведется копейка, сразу бегу пристраивать ее на кону. Когда вы, господин судья, изволили нагряться в «Цзисинь», я как раз сделал крупную ставку. Думал, в этот-то раз точно сорву куш, вот и задрал куш повыше. Кто же знал, что управа вдруг учинит облаву? У вашего раба ведь нет глаз на затылке, я грешным делом подумал, будто распорядитель лавки решил перевернуть столы да зажать мои кровные монеты! Нам, беднякам, деньги даются нелегко, мне до смерти жалко было оставлять их на растерзание этим зверям. Я лишь вознамерился забрать свое: сколько выйдет унести, столько и спас бы! Кто же знал, что едва я с серебром выскочу за порог, как нос к носу столкнусь с Вашим судейским величием? Ничтожный раб истинно ведать не ведал о судейском рейде! Знай я, что это официальный обыск властей, да будь у меня хоть сотня заячьих сердец, я бы вовек не осмелился пойти на таран против господина судьи! То, что в меня прилетела стрела, поделом мне, дураку. Но клеймить меня средь бела дня разбойником, это ведь форменная, до неба вопиющая несправедливость...

Гэ Эр-цзы соловьем разливался перед судом, искусно обходя острые углы и выставляя себя невинной жертвой. Под конец этой выдающейся комедии он даже умудрился выдавить из глаз скупую слезу.

Одним махом он умудрился перекрутить статью о «разбое средь бела дня» в невинное «спасение собственного кошелька при бегстве».

Сам Гэ Эр-цзы остался безгранично доволен собственной изворотливостью.

В тот миг в притоне царила такая неразбериха, что только круглый дурак не попытался бы нагреть руки на общем хаосе.

Если этот пришлый барин примет в упор выпрашивать, чье именно серебро лежало в его карманах, у проныры уже была заготовлена целая корзина хитрых речей.

В конце концов, на монетах имена владельцев не выбиты: раз он объявил их своими, значит, они его и есть.

Глядишь, судье под конец не просто придется оправдать его, но еще и вернуть все то серебро, что он успел прихватить в «Цзисине»!

А не вернет, так он повадится целыми днями валяться на ступенях управы и вопить на весь уезд, будто начальник без вины покалечил мирного жителя и лишил его ноги.

Тогда, даже если не удастся вконец растоптать судебскую репутацию, то кровушки этому чистоплюю он попортит знатно.

Окажись на месте Лэ Уя обычный благообразный книжник из благородных, он бы от такой мертвецки-наглой и непрошибаемой манеры подсудимого уже наверняка принялся судорожно шептать молитвы Будде, дабы сдержать гнев.

Однако, вопреки всем расчетам проныры, восседавший на помосте начальник лишь ненадолго умолк, словно подбирая нужные слова, а затем ровным тоном спросил:

— Что ж, в таком случае ответь мне на другой вопрос: какое наказание прописано в законе за вооруженное сопротивление властям и злостное неповиновение судебскому конвою?

Он что, решил устроить ему экзамен по праву?

Гэ Эр-цзы со слезливым нажимом вымолвил:

— Ничтожный раб от дикого страха умом повредился, вот и бросился бежать куда глаза глядят. Благо, ни один из господ стражников от моих рук не пострадал... За такое полагается от силы тридцать ударов палками. Раб вину признает и наказание принять готов!

Голос Лэ Уя внезапно покрылся ледяной коркой:

— Ну а за умышленный обман честных людей ради последующего похищения и продажи в

рабство, за такое злодеяние какой вердикт выносит закон, а?

...Вытянутая шея Гэ Эр-цзы в одно мгновение окостенела, а сам он застыл как вкопанный.

И пока среди собравшихся у ворот горожан нарастал оглушительный шквал возмущенных криков и споров, чистый и звонкий голос Лэ Уя без труда перекрыл поднявшийся гул:

— ...Увести его с помоста. Найдите свободную каморку, запирайте под замком и приставьте одного надежного человека для неотлучного караула.

Гэ Эр-цзы, получив этот сокрушительный удар под дых, даже не успел прийти в себя, как дюжие стражники мертвой хваткой сжали его плечи, волоча прочь из зала.

Лишь отлетев на добрых несколько чи от судейского стола, он наконец очнулся от оторопи и истошно заголосил на всю управу:

— Судья! Оболгали меня! Невиновен я! Напраслина!

Лэ Уя слегка приподнял ладонь, и конвойные тут же замерли на месте.

Но не успел проныра вновь пустить в ход свой лукавый, подвешенный язык, как Лэ Уя безжалостно оборвал его на полуслове:

— Мгновение назад, когда я давал тебе шанс, ты предпочел отпираться, я не стал настаивать. Теперь же, когда ты изволил созреть для покаяния, у Вашего судьи больше нет ни малейшего желания выслушивать твои речи. Сперва я допрошу остальных соучастников. И если кто-то из них окажется расторопнее тебя и успеет излить душу раньше, тут уж я ничем помочь не смогу.

Он лучезарно и хищно улыбнулся:

— «При соучастии в преступлении тот из подельников, кто первым добровольно раскроет следствию всю подноготную, имеет законное право на смягчение приговора на одну степень». Полагаю, эту статью мне тебе растолковывать не нужно, ты ведь и сам ее прекрасно знаешь, не так ли?

Договорив, он даже не удостоил взглядом полный немой мольбы взор Гэ Эр-цзы, а лишь лениво повел рукой:

— Заткните ему рот. И тащите вон.

В эту самую секунду в ямынь как раз победоносно вернулась первая группа стражников,

отправленная на рудник «Сяофу».

Только-только опустевший зал заседаний вновь до отказа заполнился людьми.

Лэ Уя окинул взглядом эту разношерстную толпу и недовольно нахмурился:

— Сгребли всех в одну кучу и притащили на помост, как я, по-вашему, должен вести допрос? Вы мне здесь судебскую управу в шумный птичий базар превратить удумали? Главного счетовода оставить при мне в зале, а всю остальную ораву немедленно препроводить в восточное крыло. Будете заводить их ко мне строго по одному.

В одно мгновение на помосте остался лишь один человек, главный счетовод Чэнь Фу-эр.

Лэ Уя заговорил с ним на редкость вежливо:

— Так это ты являешься счетоводом угольного рудника «Сяофу»?

Счетовод, обладатель унылого и землисто-желтого лица, ответил вялым, безжизненным голосом:

— Да, господин судья, ничтожного раба зовут Чэнь Фу-эр.

— Прекрасно. Чэнь Фу-эр с рудника «Сяофу». «Двойное счастье», на редкость благодатное имя,
— Лэ Уя внезапно переменял тон и зашел с совершенно неожиданной стороны. — И сколько же угольный рудник «Сяофу» заколачивает чистой прибыли за один день?

Пока управляющих везли в управу, они всю пытались разузнать у стражников подробности дела. Счетовод прекрасно знал, что новый уездный начальник вознамерился пересмотреть старое дело о гибели Чан Сяоху, а потому успел мысленно подготовиться.

Однако Чэнь Фу-эр и представить не мог, что судья вообще не станет спрашивать о мертвом мальчике. На душе у него вновь смутно затревожилось:

— ...Не так уж и много, господин судья. Едва-едва сводим концы с концами, покрывая расходы.

Лэ Уя веско обронил «угу» и тут же задал новый вопрос:

— Рисовать умеешь?

Чэнь Фу-эр: ...

«Этот уездный барин прыгает с темы на тему так быстро, что за ним и не угнаться», — обреченно подумал счетовод.

Он отрицательно покачал головой:

— Ничтожный раб не обучен живописи.

Лэ Уя пропустил его отказ мимо ушей, словно и вовсе не расслышал слов:

— Замечательно. Стража, подать сюда тушь и чистую бумагу!

В мгновение ока письменные принадлежности легли прямо перед носом ошарашенного Чэнь Фу-эра.

Лэ Уя в упор спросил:

— Ты ведь еще помнишь Чан Сяоху?

Сердце счетовода пропустило удар: «Ну вот, началось!»

Он поспешно замотал головой:

— С тех пор утекло слишком много времени, ничтожный раб уже напрочь позабыл его облик.

Лэ Уя сокрушенно вздохнул:

— Какая жалость. Древние ведь говорили: «Кто обучил тебя хоть на день, тому ты всю жизнь предан как отцу». Что же ты за наставник такой, раз оказался столь непутевым родителем?

Чэнь Фу-эр опустил голову так низко, что едва не коснулся груди:

— Ничтожному рабу безмерно стыдно.

— Оставь свои причитания для другого случая. А прямо сейчас изволь изобразить на этой бумаге ту самую реку, в водах которой принял смерть твой любимый ученик, — Лэ Уя с улыбкой добавил. — Можешь не стараться, пускай выйдет криво да неказисто, суду безразличны твои таланты.

Чэнь Фу-эр судорожно сглотнул слюну.

В конце концов, его не заставляли вырисовывать черты лица покойного Чан Сяоху, так что с этой задачей совладать было не трудно.

Он взял кисть и крайне неохотно вывел прямо посередине чистого листа длинную, извилистую волнистую линию.

Лэ Уя скомандовал:

— А теперь укажи, сколько всего шахтных стволов вырыто на руднике и где именно они расположены.

Чэнь Фу-эр вывел несколько неровных кружков на небольшом удалении от нарисованного речного русла.

— А теперь укажи место, где стоит твой счетоводный домик.

На этот раз рука Чэнь Фу-эра заметно дрогнула. Он погрузился в мучительные раздумья и лишь спустя долгую паузу кое-как набросал невзрачный четырехугольник неподалеку от изгиба речной линии.

Лэ Уя вытянул шею, заглядывая в его набросок:

— Настолько близко к воде? Ты там круглый год сидишь безвылазно, щелкая костяшками счетов, неужто совсем не боишься заработать себе жестокий ревматизм от постоянной речной сырости?

Чэнь Фу-эр выдавил из себя:

— ...Ничтожный раб скверно владеет кистью, не взыщите, господин судья.

— Каково подлинное расстояние от дверей твоей канцелярии до берега реки Наньтин? Если ты сам путаешься в счете и не способен назвать цифру, я прямо сейчас могу выслать стражников с мерными шнурами, дабы они досконально измерили этот путь.

Столкнувшись с ядовитой насмешкой Лэ Уя, Чэнь Фу-эр сухо ответил:

— Ничтожный раб никогда не обращал внимания на такие пустяки.

— Сколько времени занимает обычная прогулка от твоей конторы до речного берега?

— В ответ великому чиновнику: ваш раб терпеть не может праздных шатаний.

— Чан Сяоху от самого рождения рос на редкость хлипким и болезненным ребенком, тебе ведь было об этом известно?

— Известно.

— В тот день над уездом бушевала страшная буря и лил проливной дождь. За какими такими нуждами этот слабый мальчишка потащился к бурлящей реке посреди грозы?

— Ничтожный раб не ведает.

— Он погиб вовсе не от утопления в реке, тебе ведь тоже об этом известно, не так ли?

При этих словах кисть Чэнь Фу-эра резко замерла, а сам он оцепенел.

Однако лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным, как вода в старом колодце, а выражение глаз — совершенно онемелым:

— Ничтожный раб ничего об этом не ведает.

Он ценил слова как чистое золото. От него не дождались ни единого лишнего расспроса, ни даже малейшей попытки прояснить ситуацию.

Узрев перед собой столь упрямого, непрошибаемого истукана, Лэ Уя ничуть не разгневался, а заговорил самым благожелательным тоном:

— Хорошо, увести его. Запереть в одиночной камере под строгий караул.

Следом за ним на помост поочередно вводили каждого из управляющих рудника, и со всеми Лэ Уя разыгрывал одну и ту же неизменную схему.

Каждому совали в руки кисть, велели рисовать и наносить на бумагу конкретные точки, заставляя схематично набрасывать внутреннее устройство и расположение построек угольного рудника «Сяофу».

Пока этих людей везли в управу, они успели досконально продумать свои ответы на случай допроса об убийстве. Кто же знал, что уездный начальник вообще не станет касаться дела Чан Сяоху, а примется попусту болтать и выспрашивать у них сугубо внутренние дела шахт «Сяофу»!

Они вполне могли отговориться перед судом, заявив, что знать не знали какого-то там хлипкого мальчишку-рабочего. Но заявить в лицо судье, будто они не знают устройства

собственного рудника, они не могли при всем желании.

В беседах с остальными заговорщиками Лэ Уя ни разу не обмолвился о Чан Сяоху. Он искусно перескакивал с темы на тему, шаг за шагом выуживая из них и фиксируя на бумаге абсолютно всю подноготную рудника «Сяофу».

Всякий раз, едва очередной управляющий ступал на помост, Лэ Уя умышленно тянул время до тех пор, пока в курильнице полностью не сгорала одна длинная ароматная палочка. Лишь после этого он с чувством глубокого удовлетворения велел конвойным уводить допрошенного, дабы запереть его отдельно от остальных.

Сами арестанты тоже не смели подать виду, будто им заранее известна истинная причина этого ночного судилища. На публике они усердно разыгрывали из себя искреннее недоумение.

Ну а то, насколько сильно у них в этот момент от дикого страха поджимались хвосты и ныло под ложечкой, Лэ Уя совершенно не волновало.

Последним перед судейским столом предстал главный управляющий рудника, надсмотрщик Лу.

Едва стражники занесли руки, дабы препроводить его в кандалах в темницу, Лэ Уя веско бросил:

— Гэ Эр-цзы... Доставить его в зал.

Спустя секунду он с улыбкой поправил собственное приказание:

— Нет, не нужно его «доставлять». Тащите-ка мне этого борова волоком по полу.

Когда Гэ Эр-цзы, точно дырявый мешок с отрубями, с глухим стуком волокли по каменным плитам на помост, он нос к носу разминулся на выходе с управляющим Лу.

Проныра томился в запертой камерке слишком долго, его душу истерзала дикая тревога. За эти часы он успел состряпать целую корзину плаксивых жалоб и клятвенно заверил себя, что прямо сейчас разыграет перед уездным барином безупречную песнь о невинно пострадавшем праведнике.

Кто же знал, что пришедшие за ним конвойные окажутся настолько свирепыми: они без лишних слов мертвой хваткой сжали его ворот и потащили к выходу, точно скотину на убой.

И уж тем более он не ожидал столкнуться прямо посреди судебного зала с самим грозным надсмотрщиком Лу с рудника «Сяофу».

Управляющий Лу в прошлом тоже не раз имел дела с этим уличным пронырой.

Дабы не навлечь на себя лишних подозрений со стороны властей, начальник рудника намеренно соорудил суровую, каменную мину и прошел мимо, сделав вид, будто видит этого грязного оборванца впервые в жизни.

Он и не подозревал, что этот маневр окончательно выбьет почву из-под ног Гэ Эр-цзы.

Когда стражники с силой швырнули его на колени перед судейским столом, проныра уставился застывшим взором в пол. Его зрачки бешено метались из стороны в сторону, а вся любовно состряпанная в камере защитная речь в одно мгновение рассыпалась в прах.

«Этот уездный барин созвал в залу все начальство рудника «Сяофу», и с ними, поди, обходился со всем почтением да вежливостью. Так отчего же со мной он творит такое бесчинство?» — в панике рассуждал про себя Гэ Эр-цзы.

Лэ Уя лениво протянул руку к судейскому секретарю:

— Писарь, подай-ка мне свитки с их признательными показаниями.

Секретарь: ?

«Да ведь эта орава заговорщиков за всю ночь не выдала следствию вообще ни единой полезной зацепки! Все, на что ушли эти долгие часы — целая кипа нелепых каракулей да рисунков!» — растерянно подумал писарь.

Однако раз уездный начальник властно велел подать бумаги, послушаться он не смел. Секретарь поспешно сгреб со стола те самые признания, что в самом начале процесса успел наговорить избитый коронер Шан, и со всем почтением передал их судье.

Лэ Уя неторопливо развернул свиток. Он с нарочито глубоким, дотошным видом изучил текст от первой до последней строчки, после чего приподнял веки и одарил Гэ Эр-цзы долгим, пронзительным и тяжелым взглядом.

От этого взгляда у проныры по всему телу пробежали леденящие мурашки, а руки, которыми он упирался в каменный пол, начали мелко и неудержимо подрагивать.

И посреди этой томительной, выматывающей душу тишины Лэ Уя вдруг резко и леденяще выкрикнул:

— Гэ Эр-цзы.

Тот весь так и вздрогнул, точно от удара хлыстом:

— Здесь!

— Ты в течение долгих лет тайно промышлял ремеслом подлого посредника-глашатая. Прикрываясь набором честных рабочих для зажиточных хозяйств, ты умышленно и коварно похищал свободных, добрых подданных империи ради последующей продажи в рабство. Общее число загубленных тобою душ к нынешнему дню составляет более двадцати человек. Но и этого мало, ты дошел до крайней степени безумия и звериной жестокости, умудрившись сбыть на рудник собственного кровного племянника, малолетнего Чан Сяоху, обрекая ребенка на лютые увечья и последующую гибель. А сотворил ты сие гнусное злодеяние с единственным умыслом: наложить лапу на скудное вдовье имущество твоей овдовевшей невестки. Согласно Уложениям законов Великой Ю...

Взор Лэ Уя плавно скользил по бумаге сверху вниз и справа налево, словно он действительно зачитывал перед залом официально утвержденный, суровый обвинительный приговор высшей инстанции.

Дойдя до этого места, он оторвал взгляд от свитка, лукаво и хищно улыбнулся в лицо побледневшему проныре и вкрадчиво протянул:

— ...Ты ведь и сам прекрасно знаешь, не так ли? Какая именно кара по закону причитается за подобное злодеяние, а?

<http://bllate.org/book/18193/2007841>